УДК 294.3
DOI: 10.30792/2949-5768-2024-8-77-85

С. Ю. Лепехов

ВОЗМОЖНОСТИ БУДДИЙСКОГО МИРА В XXI В.

В статье обсуждаются особенности формирования буддийской цивилизации и современные перспективы ее развития. Отмечается возможность рассмотрения структурообразующей роли буддийских монастырей, также, как и в христианской цивилизации, в контексте «сетевой» парадигмы. Прогнозируется сохранение позиций буддийской цивилизации в XXI в. в ареалах своего традиционного распространения и усиление ее влияния за их пределами. Делается вывод, что в современных условиях особое значение приобретают потенциальные геополитические возможности буддийской цивилизации.

Ключевые слова: буддийская цивилизация, перспективы развития буддийского мира.

S. Yu. Lepekhov

POSSIBILITIES OF THE BUDDHIST WORLD IN THE XXI CENTURY

The article discusses the features of the formation of Buddhist civilization and modern prospects for its development. The possibility of considering the structure-forming role of Buddhist monasteries, as well as in Christian civilization, in the context of the «network» paradigm is noted. It is predicted that the Buddhist civilization will preserve its position in the 21st century in the areas of its traditional distribution and strengthen its influence beyond their borders. The conclusion is made that in modern conditions the potential geopolitical opportunities of the Buddhist civilization are of particular importance.

Keywords: Buddhist civilization, prospects for the development of the Buddhist world.

Буддийская культура может рассматриваться как некая непрерывность пространства взаимодействующих символических структур, порождаемых в процессе деятельности адептов различных буддийских религиозно-философских школ. Для каждой из этих структур характерно нали-

Лепехов Сергей Юрьевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: lepekhov@yandex.ru.

чие как инвариантного набора исходных символов, общего для всех буддийских школ, так и открытых связей, допускающих их взаимодействие с другими структурами, в том числе и небуддийского происхождения.

Буддийская цивилизация возникла именно как результат развития таких открытых символических связей. Если бы буддизм замыкался только на своих философских и сотериологических концепциях, ценностях и ритуалах, он навсегда остался бы всего лишь одной из многих религиозных индийских школ.

Вопрос принадлежности народа или страны к той или иной культуре и цивилизации достаточно сложен и не имеет однозначного решения. На наш взгляд, основополагающим элементом буддийской цивилизации является монастырь. Здесь хотелось бы отметить, что о структурообразующей роли монастырей, применительно к христианской цивилизации говорил А.И. Неклеса, причем именно в контексте «сетевой» парадигмы [Неклеса 2002: 385–416].

В России в настоящее время открыт ряд буддийских общин, принадлежащих к различным направлениям в таких сибирских городах, как Кемерово, Новосибирск, Омск, Иркутск, Хабаровск и др. В Республике Тыва действуют Централизованная буддийская религиозная организация «Управление Камбы-ламы Республики Тыва», Дхарма-центр «Далай-лама», Республиканская Конфедерационная буддийская община традиционных буддистов Республики Тыва «Ганданпунцоглин», хурээ (храм) Тувдан Чойхорлинг, ряд дуганов (молитвенных помещений).

В Республике Алтай действует Горно-Алтайское буддийское религиозное объединение «Ак-Бурха». В настоящее время во многих крупных городах России, и прежде всего в Москве и Санкт-Петербурге, зарегистрированы немногочисленные буддийские общины. Единого координирующего органа, объединившего всех российских буддистов, до сих пор не существует. Отдельные крупные буддийские объединения бурятских, калмыцких и тувинских буддистов поддерживают связи с буддистами других стран, участвуют в работе международных буддийских организаций.

В Калмыкии действует «Объединение буддистов Калмыкии» (ОБК), а также «Буддийский союз Калмыкии».

Всероссийский Центр дальневосточного буддизма Махаяны объединяет буддийские общины Москвы, Ульяновска, Саратова, Перми, Татарстана.

Международная ассоциация школы Карма Кагью имеет свои отделения в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Самаре, Иркутске, Владивостоке, Элисте.

В настоящее время в России представлены различные направления буддизма не только Махаяны, но и Тхеравады. Если бурятский и калмыцкий буддизм опирался в основном на традицию тибетской школы Гелуг, то в последнее время получили распространение учения школ китайского, японского, корейского, вьетнамского буддизма.

С 1989 г. начинается возрождение буддизма в Монголии. Был созван съезд буддистов страны, на котором и избран глава общины Хамболама. В Улан-Баторе, Цэцэрлэге, Харахорине и др. крупных религиозных центрах, где сохранились неразрушенные монастырские строения, вновь открылись храмы. Началась реставрация и восстановление монастырей. Возникли и активно действуют такие организации, как Тибетский фонд, Фонд мира ламы Гангчена и Фонд сохранения традиций Махаяны (ФСТМ). Основная цель ФСТМ – распространение в Монголии аутентичного учения тибетского буддизма. Вместе с тем, в рамках деятельности ФСТМ возникают формы и методы религиозной практики, ранее не существовавшие в монгольском буддизме. Так, на базе восстановленного монастыря «Дара Эх» около Улан-Батора открыт первый женский монастырь в Монголии «Долма Линг». До этого пожилые женщины принимали обеты, но продолжали оставаться в семье, поэтому отдельных женских монастырей в Монголии не существовало. В 2004 г. в Дархане открыт женский монастырский центр «Сутры Золотого блеска». В 2005 г. по инициативе ФСТМ была основана Монгольская буддийская скаутская группа и был открыт Монгольский буддийский молодежный клуб. Сотрудники ФСТМ ведут регулярную радиопрограмму. ФСТМ в своей деятельности использует современные формы подачи религиозной информации, ориентируясь больше не на традиционные монастыри, а на Дхарма-центры, стремясь сделать буддийские идеи и ценности более доступными для восприятия молодежи. В целом, в современном монгольском буддизме прослеживается три тенденции: курс на сохранение и возрождение старых монастырских традиций; стремление предельно «монголизировать» буддизм, «очи-

щая» его от тибетского влияния; развитие интернационального «глобализированного» буддизма в большей степени ориентированного на западную культуру.

С 1979 г. государственная религиозная политика правительства КНР резко изменилась в сторону признания и поддержки религии. Воспользовавшись этим обстоятельством, китайские буддисты стали быстро восстанавливать свои позиции и влияние. Наиболее динамично эти процессы протекали на юге страны. Так, например, в провинции Фуцзянь действует более 4 тыс. буддийских храмов. В значительной степени причины оживления религиозной жизни в южных районах Китая объясняются не только религиозной терпимостью властей, но и исторически сложившимися более тесными транснациональными связями Южного Китая с зарубежными китайцами, осуществляемых по религиозным каналам. Религия и экономика оказались связаны в современном Китае достаточно сложными многосторонними отношениями. Толерантное отношение местных властей к религии синтезирует государственную религиозную и экономическую политику, придавая ей большую легитимность и устойчивость.

Через транснациональные сети связей не только обеспечивается приток необходимых ресурсов в локальное сообщество, но и формируются ресурсы для зарубежных китайских общин, благодаря чему крепнет понимание среди буддистов в Китае и за его пределами их глубокой заинтересованности в поддержании взаимных связей. Исследование современного оживления буддизма позволяет пролить новый свет на взаимоотношения экономики, государства и религии в КНР после 1979 г. Оно свидетельствует, что экономическим интересам государства на всех его уровнях соответствует поощрение в определенной степени религиозного оживления для дальнейшего развития рыночной экономики. Это особенно верно для таких религий, как буддизм и даосизм, рассматриваемых государством как «китайские» и не вызывающих поэтому подозрения у китайских властей. В отличие от них ислам, католицизм и протестантизм как «иностранные религии» могут быть использованы их приверженцами в КНР в сепаратистских движениях, а иностранными (особенно американскими) политиками – для критики КНР в нарушении прав человека. Возрождение буддизма в Китае содействует еще большему укреплению идентификации с китайской «культурой» и «цивилизацией» китайцев как в КНР, так и за

рубежом, чего государство добивается ради роста экономических инвестиций в страну.

Государство в КНР способствует оживлению буддизма как средства для создания этих горизонтальных связей, побуждая заинтересованность китайцев за рубежом в инвестирование в КНР. В контексте «модернизации» и интеграции с глобальным капитализмом оживление буддизма в КНР может содействовать не только укреплению провинциальной автономии, но и расширению новой государственной гегемонии, простирающейся также и на китайцев за пределами национальных границ КНР и использующей их для задач дальнейшего экспорта экономики. Как полагает Ё. Асикава, «по мере того как коммунистическая идеология как сила для поддержания национальной идентичности и преданности государству будет деградировать, государство может перенести акцент на буддизм как стратегию культурного национализма» [Ashikawa 2000: 29].

Оживление религиозной жизни в Китае привело, помимо восстановления буддийских храмов, также к активизации деятельности сект и тайных обществ, которые традиционно рассматривались властями как одна из серезных угроз благополучию общества. Одна из таких сект, к которой было приковано наибольшее внимание с конца XX в., – «Фалуньгун», возглавляемая Ли Хунчжи, проживающим с 1998 г. в Нью-Йорке. Таким образом, руководство КНР вынуждено проводить строго дифференцированную политику поощрения лояльных религиозных объединений и преследования несанкционированных сект. В то же время, Китайская буддийская ассоциация стремится отмеживаться от движений, подобных «Фалуньгун». В частности, с осуждением этой секты выступил заместитель председателя шанхайского отделения КБА, настоятель чаньского монастыря Юй Фо Цзюэсин. Он указал на необходимость провести границу между сектой «Фалуньгун» и буддизмом, защитить чистоту буддизма, выявить сущность «Фалуньгуна» и других сект, в которых люди обмануты с помощью магии, а также противостоять пробуждению и росту сект [捍卫真法, 反击宗门 – 社论 2001: 40]. Он также обратился с призывом к руководству храмов, монастырей и религиозных объединений повышать уровень религиозных знаний, искоренять появление сект. Секретарь шанхайского отделения КБА, преподобный Чжаочэн, на конференции «Шанхайские буддисты против сект» (23 по 30 марта 2001 г.), организованной КБА, огласил «Письменное обращение шанхайского городского отделе-

ния КБА ко всем шанхайским буддистам». В этом обращении не только содержалась оценка противостояния сектам как серьезной политической борьбы, но и выдвигались критерии, предъявляемые к современным верующим: 1) каждый верный сын Будды должен соблюдать чистоту всеобъемлющей дхармы, очищать человеческую жизнь, придавать безупречный облик буддийским храмам и монастырям; 2) каждый верный сын Будды должен почитать Родину, служить обществу, отстаивать истину, охранять общественные и индивидуальные моральные принципы и добродетели; 3) каждый верный сын Будды должен решительно отбрасывать ереси, бороться против «Фалуньгуна» [捍卫真法, 反击宗门 – 社论 2001: 40].

Возвращаясь к буддийской цивилизации, обратим внимание на то, что именно наличие в стране устойчивой сети действующих буддийских монастырей и храмов и позволяет говорить о вхождении данного народа или данной страны в систему мировой буддийской культуры и цивилизации. При этом, само по себе количество монастырей и численность живущих в них монахов не может считаться абсолютным показателем степени влияния буддизма на культуру или политику страны.

В настоящее время роль монастырей в буддийской цивилизации, возможно, несколько уменьшилась, по сравнению даже с предшествующим периодом XIX – начало XX вв. Многие функции классических монастырей (обучение, издание и распространение канонической литературы) сейчас стали выполнять культурные буддийские центры, не являющееся формально религиозными организациями. Поэтому, продолжая считать классический монастырь основным хранителем традиционного буддийского образа жизни и буддийских ценностей, следует отметить возрастающее влияние на современное состояние мировой буддийской цивилизации большого числа светских общественных организаций буддийской направленности, а также многочисленных объединений мирян. Влияние подобных общественных организаций на экономику и политику страны проследить очень трудно, вместе с тем, оно вполне реально и его необходимо учитывать. Еще сложнее проследить деятельность так называемых «тайных обществ» и сект, которые существовали и продолжают существовать в Китае и странах Юго-Восточной Азии на протяжении многих столетий. Идентификация их конфессиональной направленности также

представляет сложную задачу, хотя не подлежит сомнению факт значительного влияния буддизма на многих из них.

Для сохранения религиозной идентичности буддизму необходимо религиозно-философское ядро (т.е. философские школы) и соответствующая инфраструктура – монастыри и «дхармацентры». Хотя, следует отметить, что монастырская инфраструктура – также источник силы и слабости буддизма. Традиционно монастыри были основным источником развития буддийской культуры, центрами экономического и политического влияния. Но если интересы монастырей входят в противоречие с интересами государства, то это приводит к упадку всей конфессии (всего буддизма). Примеры: Китай, Япония, Россия, Монголия.

Можно констатировать сохранение позиций буддийской цивилизации в XXI в. в ареалах своего традиционного распространения и усиление ее влияния за их пределами. В настоящее время буддизм, в разной степени, представлен во всех странах АТР и его влияние будет, скорее всего, постепенно увеличиваться. Можно указать несколько каналов такого влияния:

а) деятельность традиционных буддийских школ в Китае, Монголии, России, Корее, Вьетнаме, Кампучии, Лаосе, Мьянме;

б) деятельность многочисленных китайской, японской и вьетнамской диаспор в странах ЮВА, США, Канаде и Австралии;

в) деятельность численно немногочисленных, но сплоченных и активных диаспор тибетцев, монголов, калмыков в этих же странах;

г) культурный обмен на уровне правительств между странами, в которых представлена буддийская культура и экономический обмен между общинами и обществами, придерживающихся буддийского образа жизни и ориентирующихся на буддийские (в том числе и экономические) ценности;

д) распространение информации в сети Интернет и в электронных средствах массовой информации;

е) контакты между политическими партиями и общественными организациями буддийской ориентации;

ж) деятельность различных неформальных объединений и структур, так или иначе связанных с буддизмом.

В той или иной степени активизируется давление пробуддийски ориентированных политических групп и движений на свои правительства

в целом ряде стран АТР. В круг вопросов, которые будут затрагиваться буддийскими видными общественными и политическими деятелями, войдут, по всей вероятности, проблемы соблюдения прав человека, экологическая безопасность, сохранение культурного наследия человечества, предотвращение вооруженных конфликтов, борьба с терроризмом ненасильственными методами, борьба с нерегламентированным распространением наркотиков, проблемы социального обеспечения малоимущих и проблемы здравоохранения.

В XXI в. возникнет мощное необуддийское интернациональное движение, стимулированное попытками осмыслить и переформулировать классическое буддийское философское наследие в терминах современной науки и западной философии, глубоким изучением и освоением современной медициной методов традиционной индо-тибетской и китайской медицины, более полным раскрытием западному миру всего богатства классической буддийской эстетики и искусства. В сфере экономики будет уделяться больше внимания изучению экономических механизмов и регуляторов традиционного буддийского образа жизни. Также, естественно предположить, что все эти тенденции встретят определенное противодействие, в особенности, на локальных уровнях будут попытки дискредитировать буддизм как идеологическое течение и наиболее заметных и видных деятелей буддизма как идеологических и политических соперников. В целом, роль буддийской цивилизации в мировом сообществе будет возрастать, прежде всего, за счет ее демпфирующего и интегрирующего влияния во всех сферах мировой политики, экономики и культуры.

В начале третьего тысячелетия становится все более очевидным тот факт, что однополюсный мир не соответствует культурно-цивилизационным реалиям и отличиям стран мира. Наблюдается тенденция отчуждения восточных цивилизаций от многих ценностей западных цивилизаций. Вместе с тем, существующие сценарии столкновения и конфликтов цивилизаций, приводящие к кровопролитным войнам, не являются единственно возможными. Признание реалий уже существующего многоцивилизационного мира и соответствующей системы центров влияния и силы, среди которых все большую роль играют такие крупнейшие азиатские ядерные державы как Китай и Индия позволяют считать более вероятным развитием событий создание эффективной системы коллективной

безопасности, распространяющей свое влияние на обширные пространства Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии.

Культурологические факторы, наряду с экономическими и политическими выводят регионализацию в качестве ведущей тенденции мирового развития и делают наиболее вероятным переход мировой системы именно к многополярному и многоцивилизационному миру, с усилением интеграции внутри регионов и проявлением противоречий между регионами – цивилизационными, экономическими и политическими. С учетом такой перспективы особое значение приобретают потенциальные геополитические возможности буддийской цивилизации.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии») № 121031000263-3.

Литература

Неклеса А. И. «Российский проект» в новой системе координат XXI века / А. И. Неклеса // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / отв. ред и состав. А. И. Неклеса. – М.: Вост. лит., 2002. – С. 385–416.

Ashikawa J. Dinamics of the Buddhist revival movement in South China: State, Society and transnationalism / J. Ashikawa // Hitotshubashi jornal of social studies. – Tokyo, 2000. – № 32. – P. 15–31.

捍卫真法, 反击宗门 – 社论 // 法寅. – 北京, 2001. – 否 5. – 第 4–41 页. (Защищать истинную дхарму, давать отпор сектам – редакционная статья) // Фа Инь. – Пекин, 2001. – № 5. – С. 4–41.

References

Neklesa A. I. «Rossijskij proekt» v novoj sisteme koordinat XXI veka / A. I. Neklesa // Global'noe soobshchestvo: kartografiya postsovremennogo mira / otv. red i sostav. A. I. Neklesa. – M.: Vost. lit., 2002. – S. 385–416.

Ashikawa J. Dinamics of the Buddhist revival movement in South China: State, Society and transnationalism / J. Ashikawa // Hitotshubashi jornal of social studies. – Tokyo, 2000. – № 32. – P. 15–31.

捍卫真法, 反击宗门 – 社论 // 法寅. – 北京, 2001. – 否 5. – 第 4–41 页. (Zashchishchat' istinnuyu dharmu, davat' otpor sektam – redakcionnaya stat'ya) // Fa In'. – Pekin, 2001. – № 5. – S. 4–41.